

Кобылкин А.О.

УДК 821.161.1-92

О ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ ПАМФЛЕТА Л.Н. ТОЛСТОГО «НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ»

Публицистика Л. Н. Толстого в не меньшей мере, чем его художественное творчество, отразила весь спектр интересов писателя, глубину его связи с народной жизнью, остроту его восприятия окружающей действительности. Писатель широко и разносторонне, с неослабевающей силой и страстью откликался на насущные потребности дня. Одной из таких потребностей стал мрачный этап русской жизни начала XX века – период столыпинской реакции, когда самодержавие, разгромив революцию 1905 года, жестоко мстило восставшему народу. Газеты ежедневно пестрили сообщениями о расправах над крестьянами, захвативших помещичьи земли, о деятельности военно-полевых судов, о заточениях и издевательствах над людьми, о применении смертной казни (по имени Столыпина веревка для повешения стала называться в народе «столыпинским галстуком»). Все это, безусловно, не могло не волновать Толстого. «Ужасаюсь на казни», – писал он в дневнике в те «лихие дни» [3, с. 110]. Или вот еще: «Казненных пропасть, и убийства. Да, это не звери. Назвать зверями – клевета на зверей, а много хуже. Чувствую потребность что-то сделать», – тоже из дневника писателя [3, с. 140]. И, не заставив себя долго ждать, Толстой выступил против столыпинской политики массовых репрессий и смертной казни в следующих публицистических работах: «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу» (1906), «Не убий никого» (1907), «Закон насилия и закон любви» (1907), «Воспоминания о суде над солдатом» (1908), «По поводу заключения В. А. Молочникова» (1908). Голос писателя зазвучал в те дни с новой, еще более гневной силой, метким словом журналиста-обличителя «ударил» он по злодеяниям царизма и произвола в стране, разоблачал «глупые и жестокие» приемы, которые правительство применяло в борьбе со своими противниками (революционерами, крестьянами): аресты, заточения, ссылки, и наконец, смертную казнь.

Однако толстовским апогеем против смертной казни явилась статья (памфлет) «Не могу молчать» 1908 года, которая вызвала бурную реакцию, как в России, так и за ее пределами и вскоре стала выдающимся документом русской общественной мысли начала XX века.

Поводом для написания статьи послужило сообщение о повешении двадцати крестьян в Херсоне (в газетах появились потом опровержения, что вместо 20 были казнены 12 человек) за разбойное нападение на усадьбу землевладельца в Елисаветградском уезде, которое Толстой прочел 10 мая в газете «Русские ведомости» (1908, № 107 от 9 мая). По воспоминаниям

Н. Н. Гусева, писатель, волнуясь и глотая слезы, подошел и продиктовал в фонограф: *«Нет, это невозможно! Нельзя так жить!.. Нельзя так жить»... Нельзя и нельзя. Каждый день столько смертных приговоров, столько казней. Нынче 5, завтра 7, нынче 20 мужиков повешено, двадцать смертей. <...> А в Думе продолжают разговоры о Финляндии, о приезде королей, и всем кажется, что это так и должно быть...»* [1, с. 156].

Статью «Не могу молчать» Толстой писал больше месяца – с 13 мая по 15 июня 1908 года. В течение этого времени он работал с многочисленными документами, письмами [5, с. 38].

Ученые-«толстоведы» причисляют статью «Не могу молчать» к одному из жанров публицистики – памфлету. Доказать, что данная статья является памфлетом не составит большого труда. Для памфлета характерно резкое и экспрессивное обличение против политической, государственной, философской или эстетической системы [2, с. 714]. В «Не могу молчать» – это обличение против политической и государственной системы – Российского самодержавия (правительство, дума, царь и др.).

Для памфлета характерно также обличение конкретных влиятельных в обществе деятелей (политиков, социологов, ученых, литераторов) [2, с. 714]. Между прочим, в первоначальном варианте «Не могу молчать» в качестве конкретных влиятельных в обществе политических деятелей назывались основные «виновники злодеяний царизма» – это Петр Столыпин и Николай Романов, а также Милюков, Гучков, Щегловитов. Но впоследствии Толстой опустил эти конкретные имена.

Также чертами памфлета являются общедоступность, тенденциозность и непосредственная бурная реакция широкой публики [2, с. 714]. Все это, безусловно, относится к толстовскому манифесту против смертной казни. А бурная реакция общества и возникшая позже полемика вокруг резонансной обличительной статьи заслуживают отдельного внимания и подробного исследования.

Памфлет Толстого четко структурирован и, отталкиваясь от информационного повода, исследует системно и всесторонне заявленную проблематику, используя весь комплекс доказательных средств: от общего анализа до конкретного примера, включая проведение журналистского эксперимента (хотя едва ли Толстой задумывался о терминологии) [6].

Проблематика статьи – отмена смертной казни.

«Не могу молчать» открывается сдержанным, но исполненным глубокого волнения зачином о ежедневно совершающихся в России злодеяниях, за которым следует документально точное описание ритуала смертной казни, применяемого к представителям «лучшего сословия России». Нарисованная здесь рукой художника картина повешения двенадцати крестьян потрясает своей силой и правдой, вызывает чувство ужаса и негодования [5, с. 38]. Толстой использует конкретный пример смертной казни, взятый из газеты. Яркими и точными эпитетами наделяет он всех участников смертной казни и тех несчастных двенадцать крестьян. Крестьяне – «двенадцать мужей, отцов, сыновей, тех людей, на доброте, трудолюбии, простоте которых только и держится русская жизнь, схватили, посадили в тюрьмы, заковали в ножные кандалы» превратились в «висящие на веревках мертвые тела». В процессе повешения участвуют также

крестьяне, только они «вооруженные и одетые в хорошие сапоги и чистые мундиры», но все равно «несчастные, обманутые, развращенные, презируемые». Здесь же и представитель церкви – «в парчовой ризе и в епитрахили, с крестом в руке, с длинными волосами». И самый главный участник в процессе смертной казни – палач, который «несчастный» и совершающий «дурное дело».

В последующих главах автор памфлета переходит к общему анализу проблемы смертной казни в стране. Осмысливая происходящее, он с ужасом констатирует, что вся страна превратилась в место казни, а самодержавие и есть тот палач, который, мстя за свой страх, творит расправу над многомиллионным народом: «...все эти бесчеловечные насилия и убийства, кроме того прямого зла, которое они причиняют жертвам насилий и их семьям, причиняют еще большее, величайшее зло всему народу, разнося быстро распространяющееся, как пожар по сухой соломе, развращение всех сословий русского народа. Распространяется же это развращение особенно быстро среди простого, рабочего народа потому, что все эти преступления, превышающие в сотни раз все то, что делалось и делается простыми ворами и разбойниками и всеми революционерами вместе, совершаются под видом чего-то нужного, хорошего, необходимого, не только оправдываемого, но поддерживаемого разными, нераздельными в понятиях народа с справедливостью и даже святостью учреждениями: сенат, синод, дума, церковь, царь» [4, с. 554-555]. Людей высшего сословия, также имеющих прямое отношение к смертным казням над простыми людьми, но на прямую не участвующих в процессе совершения самой смертной казни, Толстой наделяет следующими эпитетами: «недобрые себялюбцы», «правительственные люди», «люди старые, руководители других людей, исповедующие христианство», «посредственные участники ежедневно совершаемых злодеяний», «люди, осуждающие других, а не себя, и высоко носящие голову», «палачи всякого разряда», «корыстные, честолбивые, тщеславные, мстительные», стремящиеся пожить в «развращении», в котором живут и которое кажется им «благом».

Толстой в памфлете проводит яркую параллель между «правительственными людьми» и революционерами. Общее между ними: «Они делают только то же самое, что и вы: вы держите шпионов, обманываете, распространяете ложь в печати, и они делают то же; вы отбираете собственность людей посредством всякого рода насилия и по-своему распоряжаетесь ею, и они делают то же самое; вы казните тех, кого считаете вредными, – они делают то же» [4, с. 560]. А в чем же разница, по мнению Толстого? Разница в следующем: «...вы делаете много такого дурного, чего они не делают: растрату народных богатств, приготовления к войнам и самые войны, покорение и угнетение чужих народностей и многое другое», «...вы хотите, чтобы всё оставалось, как было и есть, а они хотят перемены» [4, с. 560-561].

Толстой говорит о том, что раньше в России был всего один палач, а в «наши дни», в силу востребованности данной профессии, услуги палача предлагают все кому не лень, например, торговец-лавочник: «В Москве торговец-лавочник, расстроив свои дела, предложил свои услуги для исполнения убийств, совершаемых правительством, и, получая по 100 рублей с повешенного, в короткое время так поправил свои дела, что скоро перестал нуждаться в этом побочном промысле, и теперь ведет по-прежнему торговлю» [4, с. 555].

В памфлете представлен рассказ о палаче и его семье, написанный со слов художника Н. В. Орлова. По поручению писателя Орлов разыскал и посетил в Москве некоего дворника Игната, тайно, за высокую плату, выполнявшего в охранке обязанности палача, и подробно описал его внешность и быт. Данный прием, который осуществил Толстой-публицист, сегодня бы мы назвали журналистским экспериментом. Писатель наделяет палача следующими эпитетами: «глядящий исподлобья», «мрачный», «беспокойный», «испуганный», «несчастный». Кстати, рассуждая о палаче, автор считает его «жертвой правящего политического режима»: «Да, этот непосредственный палач знает, что он палач и что то, что он делает, – дурно, и что его ненавидят за то, что он делает, и он боится людей, и я думаю, что это сознание и страх перед людьми выкупают хоть часть его вины. Все же вы, от секретарей суда до главного министра и царя, посредственные участники ежедневно совершаемых злодеяний, вы как будто не чувствуете своей вины и не испытываете того чувства стыда, которое должно бы вызывать в вас участие в совершаемых ужасах» [4, с. 562-563].

Целям доступности и убедительности в памфлете помимо эпитетов, также служат и сравнения.

Вот как Толстой замечает разговоры о смертных казнях в обществе: «О казнях, повешениях, убийствах, бомбах пишут и говорят теперь, как прежде говорили о погоде» [4, с. 556].

Или рассуждение о духовном настроении народа: «Всё дело в духовном настроении народа, которое изменялось и которое никакими усилиями нельзя вернуть к прежнему состоянию, – так же нельзя вернуть, как нельзя взрослого сделать опять ребенком» [4, с. 557].

О развращении всех сословий русского народа: «...все эти бесчеловечные насилия и убийства, кроме того прямого зла, которое они причиняют жертвам насилий и их семьям, причиняют еще большее, величайшее зло всему народу, разнося быстро распространяющееся, как пожар по сухой соломе, развращение всех сословий русского народа» [4, с. 554].

О подавлении правительством революционеров: «...когда вы силою хотите подавить их, вы делаете то, что делает человек, налегающий всею силою на дверь, отворяющуюся на него» [4, с. 560-561].

О боязни народа по отношению к правительству: «Вас бояться, как бояться ката-палача или дикого зверя» [4, с. 566].

В памфлете мы встречаем немало приложений: «люди-братья», «люди-палачи», «ребенок-девочка», «мальчик-сын», «торговец-лавочник», «саван-мешок», «сторож-дворник».

Как и в художественном творчестве, так и в публицистических произведениях Толстого, мы встречаем в «Не могу молчать» широко расчлененную фразу с множеством вводных и придаточных предложений, а

иногда и с инверсиями. Приведем пример из текста: «Для меня, стало быть, и нищета народа, лишенного первого, самого естественного права человеческого – пользования той землей, на которой он родился; для меня эти полмиллиона оторванных от доброй жизни мужиков, одетых в мундиры и обучаемых убийству, для меня это лживое так называемое духовенство, на главной обязанности которого лежит извращение и скрывание истинного христианства. Для меня все эти высылки людей из места в место, для меня эти сотни тысяч голодных, блуждающих по России рабочих, для меня эти сотни тысяч несчастных, мрущих от тифа, от цинги в недостающих для всех крепостях и тюрьмах. Для меня страдания матерей, жен, отцов изгнанных, запертых, повешенных. Для меня эти шпионы, подкупы, для меня эти убивающие городовые, получающие награду за убийство. Для меня закапывание десятков, сотен расстреливаемых, для меня эта ужасная работа трудно добываемых, но теперь уже не так гнушающихся этим делом людей-палачей. Для меня эти виселицы с висящими на них женщинами и детьми, мужиками; для меня это страшное озлобление людей друг против друга» [4, с. 564].

Можно предположить, что автор статьи совершенно не заботится о том, чтобы сделать свою речь, так сказать, «гладкой», а фразы – короткими, округлыми. Он, по-видимому, скорее озабочен тем, чтобы в них с наибольшей полнотой и глубиной выразилось вкладываемое в них содержание.

Журналист Толстой упоминает в статье «знакового живописца», задумавшего написать картину «Смертная казнь». Он не называет имя художника, однако, всем становится понятно, что речь здесь идет о Николае Орлове.

На страницах памфлета его автор вспоминает и о Владимире Соловьеве, который рассказал ему о «палаче, которого возили с места на место» в 80-х годах по всей России, по причине того, что больше не было людей, умевших так профессионально совершать смертную казнь.

Упоминание из Евангелия приводит Толстой, рассуждая о своем неизменном «непротивлении злу насильем»: «...ударившему в одну щеку подставляя другую, а не воздавать злом на зло» [4, с. 561].

Эффективность воздействия на сознание читательской аудитории достигается в рассматриваемой нами статье и с помощью смешивания традиционного риторического приема, когда монолог публициста Толстого – выразителя общественных умонастроений – постепенно преобразуется в диалог. Автор статьи, как бы от лица читателей, сам себе задает вопросы, и дает на них исчерпывающие ответы. Так, например, при обращении к правительственным людям: «Кого любите? Кто вас любит? Ваша жена? Ваш ребенок?» И получаем ответ: «Но ведь это не любовь. Любовь жены, детей - это не человеческая любовь. Так, и сильнее, любят животные. Человеческая любовь - это любовь человека к человеку, ко всякому человеку, как к сыну божию и потому брату» [4, с. 566]. И дальше Толстой продолжает вопросом: «Кого же вы так любите? А кто вас любит?» Получаем ответ: «Никого. Никто» [4, с. 566].

Также для эффективности воздействия на читателя Толстой использует в памфлете призывы и обращения. Вот в частности обращение-призыв к людям, имеющих прямое отношение к процессу смертной казни: «Люди-братья! Опомнитесь, одумайтесь, поймите, что вы делаете. Вспомните, кто вы» [4, с. 565].

Кульминацией толстовского манифеста являются, по мнению А. И. Шифмана слова, от которых веет ужасом, в которых автор памфлета противопоставляет окружающему злу уже не словесную аргументацию, даже самую сильную и убедительную, а свою живую боль, невыносимую муку [5, с. 39], представляя себя на месте казненных: «Нельзя так жить. Я по крайней мере не могу так жить, не могу и не буду. Затем я и пишу это и буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне ее, чтобы одно из двух: или кончились эти нечеловеческие дела, или уничтожилась бы моя связь с этими делами, чтобы или посадили меня в тюрьму, где бы я ясно сознавал, что не для меня уже делаются все эти ужасы, или же, что было бы лучше всего (так хорошо, что я и не смею мечтать о таком счастье), надели на меня, так же как на тех двадцать или двенадцать крестьян, саван, колпак и так же столкнули с скамейки, чтобы я своей тяжестью затынул на своем старом горле намыленную петлю» [4, с. 565].

Еще раз поднимает Толстой основную проблему «Не могу молчать» – отмену смертной казни в самом конце памфлета: «Да, подумайте все вы, от высших до низших участников убийств, подумайте о том, кто вы, и перестаньте делать то, что делаете. Перестаньте – не для себя, не для своей личности, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для того Бога, который, как вы ни заглушаете Его, живет в вас» [4, с. 566].

Как уже упоминалось ранее, памфлет Толстого вызвал огромный резонанс в обществе. Статья была опубликована многими периодическими изданиями Англии, Франции, Германии, Италии. В России появились отрывки в «Русских ведомостях», «Слове»; подпольные революционные организации выпускали статью нелегальным путем. Известен факт, что редактора одной из севастопольских газет, рискнувшего напечатать статью полностью, арестовали и предали суду. Легально памфлет был опубликован в России лишь в 1917 году.

Под влиянием памфлета Толстого с произведениями, направленными против смертной казни выступили В. Г. Короленко (статья «Бытовое явление»), Леонид Андреев («Рассказ о семи повешенных»), Марк Крицкий («Оплот общества»), А. С. Серафимович («Как вешали»), Демьян Бедный (стихотворение «Сынок»).

Сам Толстой до конца своих дней продолжал писать на тему смертной казни в публицистических работах: «Смертная казнь и христианство» (1909), «Письмо студенту о праве» (1909), «Неизбежный переворот» (1909), «Пора понять» (1909) и другие.

Резюмируя, отметим, что Толстой скуп в использовании изобразительных приемов в статье, что также само по себе является художественным приемом и служит ясности выражения авторской мысли.

На значительность и неординарность произведения указывают: выбор определенного жанра публицистики – памфлета, актуальная проблематика – отмена смертной казни, обличительное и нравственное содержание.

В памфлете «Не могу молчать» очень тесно гармонируют черты обличительного таланта Толстого-публициста и художественного мастерства Толстого-беллетриста, характерные также и для других работ, созданных писателем в жанре публицистики.

Источники и литература:

1. Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым / Н. Н. Гусев. – М., 1928.
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – М., 2003.
3. Толстой Л. Н. Дневники и записные книжки / Л. Н. Толстой // Полн. собр. соч. : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М., 1936. – Т. 57.
4. Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 20 т. / Л. Н. Толстой. – М., 1964. – Т. 16.
5. Шифман А. И. Лев Толстой – публицист / А. И. Шифман // Собр. соч. : в 20 т. / Л. Н. Толстой. – М., 1964. – Т. 16.
6. Герейханова А. Статья Л. Толстого «Не могу молчать» как информационный повод : [Электронный ресурс] / А. Герейханова. – Режим доступа : <http://petrovitskaya.lifeware.ru/node/91>

Мамедова Мехрибан

УДК 811.512.11

ОБЩЕТЮРКСКИЕ СЛОВА В «КНИГЕ ДЕДЕ КОРКУДА» И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Постановка проблемы. Слова в словарном составе «Книги Деде Коркуда», демонстрирующие отличительную смысловую функциональность в современных тюркских языках, занимают важное место. И эти слова в основном состоят из общепотребительных слов и, в отличие от единиц, сохраняющих свое значение, не проявляются в большом количестве. Их отличие по значению определяет их уровень представления в тюркских языках. И сам этот уровень проявляется в двух видах:

- а) в лексической единице происходит структурно-формальное изменение;
- б) лексическая единица остается без изменения.

Слово, подвергнувшись деформации, изменяет свое значение. На языке «Книги Деде Коркуда» глагол *ayu* имеет значение «сказать, говорить». В современных тюркских языках он, приняв словообразовательное окончание, структурно изменяется и образует новую лексическую единицу. Слово *aygakçi* на узбекском, киргизском языках означает «шпион». Здесь связь нового значения со старым значением на виду: *ayu* – «скажи, говори», – *aygakçi* – «приносящий весть, рассказывающий новость». В образцах этого типа смысловое значение и формальное изменение происходит параллельно. Анализ образцов показывает, что в каждом случае новое значение происходит от старого значения. То есть изменение значения в большинстве случаев не что иное, как семантическое развитие. В «Книге Деде Коркуда» *ayyaq* имеет значение «чаши». В современном казахском языке словосочетание *şiti ayak (чини аyaq)* [1, 10] означает «стакан». Оппозиция чаша – стакан указывает на развитие второго от первого. В подобных случаях один общий признак обязательно объединяет старое значение с новым, также оба предмета. Так как не вызывает сомнения и то, что значение «чаша» образовано от значения «часть тела». В виду того, что чаша стоит на подставке, называется подобным образом. Еще другое значение слова *ayyaq* – «последний, конец» наблюдается в казахском языке [1, 788]. А здесь наблюдается общая особенность согласно другому признаку между двумя лексическими единицами. Так как «*baş*» голова начинает тело в вертикальном направлении, а «*ayyaq*» (нога) завершает его в том же направлении. В этом смысле в азербайджанском, а также и в других тюркских языках слово «*baş*» конкретизировано в значениях «с начала», «начало», а слово «*ayyaq*» в значениях «конец», «последний». Именно в значении «последний», слово *ayyaq* образуется из функционально-семантического развития значения части тела.

Также слово *niqab* – «покрывало» если в языке «Книги Деде Коркуда» обозначает «бронированное покрытие для лица», то на современном туркменском языке означает «*duvaq*» [1, 193].

Иногда важное функциональное качество, возникшее от лексического значения одного объекта, передается другому. Такая передача приводит к идентичному наименованию – новой номинативности второго объекта с первым. В языке «Книги Деде Коркуда» слово *yenge* обозначает женщину сопровождающую невесту в свадебную ночь. В виду того, что эту функцию выполняют жена брата, жена дяди, жена брата матери, в современных тюркских языках лексические единицы *yenge* (турецк.), *yəngə* (уйгур, узбек), *yingə* (башкир), *cingə* (татар) обозначают жену брата, жену дяди, жену брата матери [1, 982].

Часть лексических единиц, представленных в современных тюркских языках могут отличаться от своих соответствий в «Книге Деде Коркуда» как по форме, так и по содержанию. Иногда изменение содержания таких лексических единиц происходит путем изменения формы. Изменение формы происходит в результате изменения аффикса, окончания лексемы или участия слова в образовании новой структуры: *ay-“de”-(māk)-aygakçi* «шпион» (на узбекских и киргизских языках) [1, 94-95], *aş «есть»-aşlık* «хлебные злаки» (башкирский, татарские языки) [1, 836-837] – *aş kazan* «живот» (казахский, киргизские языки [1, 442]. Подобные слова в лексиконе «Книги Деде Коркуда» большинства не составляют.